

Интервьюер: Здравствуйте.

Респондент: Здравствуйте.

Интервьюер: Прежде всего, я Вас попрошу представиться. Фамилию, имя, отчество назовите, пожалуйста.

Респондент: Я — Татаренко Нианила Александровна.

Интервьюер: Когда Вы родились?

Респондент: Тысяча девятьсот двадцать шестого года, двадцать первого августа.

Интервьюер: Где?

Респондент: Город Одесса.

Интервьюер: Во время войны, Вы где находились?

Респондент: В городе Николаеве.

Интервьюер: Я хочу Вам напомнить, что мы с Вами уже беседовали в своё время, и Вы нам рассказывали о том, что Вы видели во время войны здесь в Николаеве. Я хочу, чтоб Вы повторили этот рассказ. Нас интересует, как относились оккупанты к гражданскому населению. И что Вы из этого можете нам рассказать, из виденного Вами лично? Не по воспоминаниям, не по рассказам чьим-то. Вами лично, пожалуйста, если Вы можете. Будьте добры.

Респондент: Я — очевидец всех злодеяний, которые оккупанты производили в нашем городе. Когда оккупировали Николаев — это было семнадцатого августа сорок первого года. А через несколько дней немецкие захватчики начали восстанавливать свою, свои порядки. Они в первую очередь восстановили комендантский час, потом до шести часов имел право гражданин двигаться по городу. Если он где-то задержался или может — его хватали, как заложника. Через несколько дней начались. Началось объявление — обращение к еврейской национальности, где говорилось так: «Люди еврейской национальности в такое-то время». В какое я не могу сказать, но на второй день «явиться в такое такое-то место» И вот через два дня слышим — мы дети во дворе были — слышим «Евреев ведут! Евреев ведут!» Ну, не ведут, а гонят. Да. Ну, и мы выскочили за ворота. Выскочили, посмотрели — действительно, гонят евреев. Впереди два солдата вот так винтовки держат. По бокам гражданские полицаи с винтовками и собаками. И сзади тоже два солдата немецких и тоже так винтовки держат. А эти, которые по бокам, они сужали их, чтоб они не расс-, а чтоб они в кучке так шли. Были дети, были и молодые люди. Но большинство было старики, потому что вся молодёжь, если имела возможность, эвакуировалась. Прогнали это всё, прошло — я долго не смотрела — полную колонну. Но видела, что людей было много. Люди шли такие грустные, вниз опустивши головы. Я это запомнила на всю свою жизнь. И они так шли шаг за шагом и довели их до Мешковки-Погореловки. Мешковки-Погореловки — там, как рассказывали, что там есть такой ров, который разделяет. Мешковка, потом ров, потом Погореловка. И их согнали в этот ров. Люди, которые уже на второй, на третий день в город, с города рассказывали людям, общались. То говорили, что река красная. Я только

The following transcript is the best one recorded into the transcript. It is the original source document, and it has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

постреляли эти же полицаи. Это, конечно, для нас это было очень-очень страшно. Мы ж не жили никогда и не знали, за что такое «убивают», и за что можно убивать. И вдруг целая армия людей повели и расправились с ними так. Но перед этим, за дня два до вступления немцев, с Бессарабии семья пришла и у нас во дворе как остановилась. Женщина беременная, но уже видно, что хорошо беременная, потому что она вскорости разрожала. И трое детей ещё. Муж, сын лет пятнадцать, и ещё двое мальчиков, и вот это она была ещё беременная. И они забились в такой угол там во дворе в сарае. Я бы даже хотела поехать Вам и показать этот двор и эту улицу. Да, и они забились в самый угол, что там не видно даже, что там есть двери. В сарае. А в том сарае есть такое окошко — не настоящее окошко, а вот так вот. И оно выходит в проулок. И, когда меня забрали в Германию, то эту семью забрали на машину и тоже уничтожили немцы. Эту семью. А муж и сын старший убежали. Это мама мне уже рассказала, что семью увезли с этим ребёнком на руках и двое мальчиков лет семь и девять повели в машину и больше они не вернулись. Дальше начались облавы. Облавы — вот так там толчок была поляна. Толчок, они приедят машина — в кольцо вот сколько возьмёт людей, столько и загонят в машину. Такие крытые машины. Туда напхают и увозят. Потом в один прекрасный день подожгли кондитерскую фабрику, а она на Советской. Вот там, один квартал от Советской, на углу была фабрика кондитерская. Одноэтажное такое здание. И, по-видимому, партизаны подожгли, потому что партизаны, по-видимому, были. Потому, что то там взорвут, то там по это вот. А некого, их ловить не могут. То они ловили заложников и заложников вешали на этой поляне, которая вот была две поляны. Там восстановили виселицу и по десять человек туда вешали этих мужчин. А так вообще на столбах висели и женщины, и мужчины и по несколько. По несколько дней, по несколько недель болтались. Этот кинотеатр Ильича, который сейчас у нас здесь, это была наша биржа. Трудовая биржа, откуда угоняли в Германию. Там комиссия заседала, и собирали молодёжь. И комиссия: «Годен! Годен! Годен!» И в другой зал. Залы большие зрительные. Из одного в другой это «Годен!» Да, и на этом балконе тоже висел человек. И по всем углам города идут люди говорят: «Вот там висит. Там висит женщина. Там висит мужчина» Вот это вот такое злодеяние. Это я не знаю, как назвать даже, чтобы вы меня поняли. Это, это волки, наверное. Волки. Ну, после этого ж меня забрали в Германию. Я уже больше ничего такого, страсти не видела. Да, забрали меня в Германию, в город Вальсроде Лайет Батенбрюк. Фабрика «Мона» Я там пробыла три года. Три года под конвоем нас водили на работу на фабрику и с работы. У нас внутри были полицаи и снаружи ходили солдаты вооружённые. Охраняли за решёткой нас. И после всего — вот этот взрыв произошёл снаряда в цехе в том, где я работала. Вот это мне выбило глаз осколком, попал осколок в зрачок. Вот. Вообще, отношения были ужасные. Но хочу сказать единственное, что запомнила я — начальник цеха. Он был фронтовик, офицер, но он к нам относился как-то благосклонно. Он на нас старался не кричать, а так подойдёт по-немецки и говорит, что «девочки, надо работать» Вот так. И мы его слушали и просто любили, что он нас не гонял и пенками не это, не толкал. И перчатками по лицу не бил и всё. Но мы, как там пробыли голод, за три года я, за три года — три года я ходила в колодках без чулок. У меня их не было. Халаты нам выдали джинсовые. Летом без рукав, и замой с рукавами. Вот это моя была форма. У меня ничего не было ходить зимой и летом. А для того, чтоб не было холодно — работать надо. Если где-то разгружать — значит, быстро будешь ходить, тебе холодно не будет. Давай, давай, да давай, давай. И всё. И, в общем, я так пробыла три года и там похоронили мы тринадцать девушек, которые погибли от взрыва снаряда. Потом в лагере у нас была одна цыганочка Валя. Её фамилия Цымбыл. И она так боялась, так она себя оберегала и впоследствии она в лесу повесилась. Она боялась, да. В лесу она повесилась. Красивенькая такая девочка была. Мы все молоденькие были хорошие. По пятнадцать лет нам, ну что ж это. Вот. И вот так вот, такая вот. Это я вкратце рассказала всё, что было. Но у меня запомнилось вот это — когда

The following transcript is the result of a record check. The recording is the primary source. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

с тобой, как не хотят выслушать. Если хочешь что-то ска(зать) договорить, то не даёт, нет терпения. Надо быстро говорить и по-немецки, чтоб он понимал. У него не хватало терпения. И ещё ударит. В общем, мы были скоты. Мы были скоты.

Интервьюер: Это Вы имеете в виду Германию?

Респондент: Германию, да. Ну, вот.

Интервьюер: Хорошо. Сейчас я Вас кое-что хочу спросить по порядку. Вы говорите про то вот — давайте начнём вот с того, как брали евреев. Вот Вы говорите, что были объявления.

Респондент: Нет.

Интервьюер: Вы говорите, что были объявления о том, чтобы евреям явиться.

Респондент: Нет! Машина ездилa и обращалась к национальности еврейской. По вот так вот, по улицам ровным.

Интервьюер: Так.

Респондент: Но я не знаю, по другим ли ездилa, но по моей ехала. Вот это я своими ушами слышала, что они так: «Люди еврейской национальности! Завтра явиться туда и туда» А куда — я уже, конечно, не знаю куда.

Интервьюер: А никаких объявлений Вы не видели на улице развешенных?

Респондент: На улице не видела.

Интервьюер: Не видели?

Респондент: Вот это машины ездили. И они сегодня сказали, а завтра уже их вели.

Интервьюер: Вы уже видели, как их вели?

Респондент: Да, ви(дела).

Интервьюер: Вы были близко от колонны, которая шла?

Респондент: Ну, вот, вот на такое расстояние. Вот ворота, а вот здесь дорога.

Интервьюер: Ну, сколько метров?

Респондент: Ну, сколько здесь метров? Я возле ворот стояла и смотрела на это.

Интервьюер: Сколько метров было от ворот до дороги?

Респондент: Ну, десять метров, наверное.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Не больше?

Респондент: да.

Интервьюер: А, тротуар только?

Респондент: тротуар, да.

Интервьюер: Ну, ширина тротуара, да?

Респондент: Тротуар, да.

Интервьюер: Когда они шли — Вы рассказали уже, как они выглядели сами евреи — на них не было каких-то отличительных знаков?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Ничего не было?

Респондент: Нет.

Интервьюер: А кто их сопровождал?

Респондент: Солдаты.

Интервьюер: Кто их вёл?

Респондент: Их вели солдаты. Впереди немцы.

Интервьюер: Немецкие.

Респондент: Две. Вот я — что мне запечатлелось — два солдата вот так.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Вперёд винтовки держат. По бокам гражданские с вот этими вот этими — фашистским знаком. С собаками, тоже вот так вот в ряд по два человека. И сзади такие же солдаты немецкие с винтовками вот так вели этих людей.

Интервьюер: Кто-нибудь из них, из этих гонимых людей, кто-нибудь из них пытался выйти из колонны? Сбежать?

Респондент: Когда--

Интервьюер: да?

Респондент: Когда они вот так вот растягивались, то их быстро сужали вот так вот в кучку. В

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Конвой?

Респондент: да, конвой.

Интервьюер: И они не могли выскочить?

Респондент: Нет, нет. Оттуда уже не выскочишь. Это надо было не идти на этот пункт распределительный — вот там бы выскочил бы. А так, если никто бы не предал--

Интервьюер: по дороге?

Респондент: Да.

Интервьюер: то невозможно?

Респондент: по дороге — нет.

Интервьюер: А как Вы вообще определили, что это евреи?

Респондент: Ну, обращались ж к еврейской нации.

Интервьюер: Обращались, когда было объявление, которое Вы слышали?

Респондент: Вот эта машина же ездил и говорила: «Люди еврейской национальности» Что ещё нужно?

Интервьюер: Ага. Нет, я имею в виду, может быть там, в этой колонне, были люди, которых Вы знали?

Респондент: Нет, я там никого.

Интервьюер: Среди этих евреев?

Респондент: Нет. Никого не знала.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Может быть и знала, так я их и не увидишь. Вот так вот люди шли.

Интервьюер: Не было ли среди охраны полицаев?

Респондент: Вот это ж гражданские — полицаи.

Интервьюер: Это вот которые были в гражданском?

Респондент: Вот это гражданские полицаи.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: А что это были за полицаи, Вы не можете сказать?

Респондент: Сейчас я вам скажу. В основном работали с Западной Украины, вот эти все полицаи. Потому что--

Интервьюер: почему?

Респондент: Почему — сейчас я вам скажу. По говору. По говору. Вот меня забирал такой полицай и он так говорил точно, как сейчас вот говорят вот по Западной Украине этим акцентом. Понимаете? Я не — мне всё равно пускай он будет грек.

Интервьюер: то, что говорят Западнянский, да?

Респондент: да. пускай он будет грек, но я слышу этот акцент.

Интервьюер: Ага.

Респондент: И меня забирал такой полицай. С винтовкой, с фашистским знаком. И никакую уступку, как мама его не просила.

Интервьюер: Это когда Вас уже забирала для Германии?

Респондент: Да, в Германию. Я ж с этой биржи сумела уйти и дошла почти до самой — через дорогу перейти. Он меня сзади бежал, а я — мне казалось, что я по вате иду или не чувствовала ног. Что я как не плыву или что. Я даже не знала, я себя не чувствовала. И, когда мне надо было уже через дорогу перейти и вскочить в эти ворота, он мне говорит: «Остановись. Не спеши» Но, я — прошлый раз мне перебили мысль — я сказала, что не из дома меня взяли. Меня он забрал из дому и мама просила. Так он сказал-- Просила, чтобы он не брал меня: «Оставь. У тебя тоже будут дети или есть. Оставь, сыночка» А он: «Если будешь много говорить, я и тебя заберу» И я пошла. И я пошла и уже никуда я не убежала. Я уже шла.

Интервьюер: Мне, чтобы закончить с этим эпизодом с евреями--

Респондент: да?

Интервьюер: я хотел одно спросить — а видели ли Вы, как их забирала? Вот Вы видели, как их собрали и как их вели, а как их забирала из квартир, из домов? Вы этого не видели?

Респондент: Нет, я это не видела. Я видела, я слышала только то, что они должны в определённое место собраться.

Интервьюер: Да, это Вы сказали.

Респондент: Вот это я слышала.

Интервьюер: Это Вы сказали.

Респондент: да.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: следующий эпизод, который меня интересует — Вы рассказывали про виселицы, которые стояли в центре.

Респондент: да.

Интервьюер: и Вы видели, как там вешали людей?

Респондент: Нет, я уже видела, когда ви(сели).

Интервьюер: Вы видели только повешенных?

Респондент: Уже повешенных, да.

Интервьюер: А скажите, пожалуйста, у них на груди там были какие-то надписи? Или на груди или рядом?

Респондент: А, что-то. Что-то было. Было не то... не то заложники, не то... Партизаны!

Интервьюер: Ага.

Респондент: Партизаны! Да, партизаны. Они. На них было вот здесь вот написано.

Интервьюер: Понятно.

Респондент: Но я близко не подходила. Я боялась. Даже мне страшно было.

Интервьюер: Но в свою очередь на таком расстоянии Вы были, что Вы видели надпись?

Респондент: А люди видели и рассказывали это.

Интервьюер: А Вы сами не читали эти?

Респондент: Нет, я не читала. Я близко не подходила.

Интервьюер: Понятно. Понятно.

Респондент: Но а на такое зрелище может ребёнок пятнадцатилетний пойти смотреть?

Интервьюер: Ну, я понимаю. Нет, я всё понимаю.

Респондент: Вы понимаете?

Интервьюер: Кроме этой виселицы, Вы говорите, что в других местах тоже были люди повешенные?

Респондент: Ну, вот сразу другая поляна и на этой поляне через столб висели люди.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Через столб какой?

Респондент: Через столб. Электростолб. Раньше были электростолбы не такие, как сейчас, а металлические. Вот так вот они квадратом сделанные. Вот так вот перекрёстки вот такие вот.

Интервьюер: Вот теперь я хотел бы коснуться той облавы, в которой Вас поймали и куда Вас привели. Ну, в общем поподробнее. Как Вас схватили и отправили в Германию?

Респондент: Как? Сейчас я вам скажу. Меня не схватили. Меня принёс повестку и сказал, что нужно ехать в Германию на работу. И взял меня и повёл в этот дом.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Дом, ну, пункт этот. Сейчас я, минутку. Я подумаю.

Интервьюер: Пожалуйста.

Респондент: Да, на биржу.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Да. Вот. И вот оттуда мне пришлось уйти. И мне казалось, что меня никто не видит. Я — он меня, когда заткнул туда — я облокотилась так о дверь об эту же и чувствую, что она слегка открывается. И я так назад, назад и вылезла оттуда. И потихоньку-потихоньку. А там стоял человека четыре мужчины. Но я не думала, что там он, который меня это вот. И я, как вот так вот, и хода, хода. А на мне прям замлели ноги и вся душа. Я так рвалась, чтоб прибежать домой и спрятаться уже — меня никто не увидит и не возьмёт. А он меня догнал и оттуда из дому он меня уже. Всё же я его — он меня тянет назад, а я говорю: «Я к маме. К маме» И мы дошли до мамы и мама его так просила.

Интервьюер: да.

Респондент: Просила, говорила: «Сыночка, пусти. У тебя ж тоже дети» Или как она его уже просила — я не знаю. И «Отпусти» А он: «Нет. Если ты подпустишь, я не могу отпустить. Я и тебя заберу»

Интервьюер: это Вы сказали.

Респондент: да.

Интервьюер: а он — это кто? Он кто был?

Респондент: Полицай.

Интервьюер: Полицай тоже?

Респондент: Полицай в гражданском и в этом здесь--

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: да. Так, и теперь он отвёл Вас куда?

Респондент: Туда же, на самое место.

Интервьюер: Обратно, да?

Респондент: И уже к самому столу подвёл к комиссии.

Интервьюер: Так.

Респондент: И говорит: «она — смотрите, чтоб она не убежала. Она убежала» И комиссия сказала мне раздеться. А там полный зал молодёжи — девочек и мальчиков. Все до пояса раздетые и эту комиссию проходят. Два врача сидят: «Годный. Повернулся влево. Повернулся вправо. Всё, годный! В следующий зал» А оттуда уже нас всех в кучу под конвоем повели в баню на Инженерную.

Интервьюер: Так.

Респондент: Вот, там нам сделали дезинфекцию и оттуда погнали прямо в ликёроводочный завод.

Интервьюер: Почему? Там сборный пункт был?

Респондент: А там был сборный пункт. Оттуда уже на вокзал.

Интервьюер: И направляли, да?

Респондент: да.

Интервьюер: и вот оттуда Вы попали на эту фабрику в Германию?

Респондент: да.

Интервьюер: да?

Респондент: да.

Интервьюер: и стали там и работать? Вы рассказывали.

Респондент: да. стала, меня заставляли.

Интервьюер: Я-- нет, я понимаю.

Респондент: да.

Интервьюер: и Вы рассказали, что там был, значит, относительно добрый начальник цеха?

Респондент: Вот. Да, был.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Бывший офицер?

Респондент: да.

Интервьюер: а вот как другие к вам относились надзиратели? я не знаю, или мастера? Те, кто командовал вашим трудом.

Респондент: Вот все были распределены по цехам, понимаете? Там гильзовый цех, там гранаты заряжали. Заряжали, вот. А там ещё какой-то цех. Вразброс. И вот я была в этом гранатном цехе. И в цеху нас никто не охранял, ничего. Если там перерыв — для немок пауза, они завтракают. Ну, а мы сидим. Нам работы нету. Ну, это пятнадцать минут. На подоконнике сядем — сидим, ждём, когда отбой дадут за работу. А так в цеху никто. Но были такие, которые приходили и если не так — «Нужно быстрее. Фронт! Нужно быстрее!» Тот не вмешивался, уже другой командовал. И да, и мог подзатыльник дать.

Интервьюер: Тот, который не вмешивался, это был начальник цеха?

Респондент: Да, да, да. И он очень так-то, у него какая-то была система без интонации. Понимаете?

Интервьюер: Понятно. А скажите, Вас лично наказывали? Или кого-то за плохую работу или за то, что вы медленно работаете?

Респондент: Любонька, я же и хотела вам рассказать.

Интервьюер: Да, расскажите.

Респондент: Да, что я ж вышла с цеха в лес по естественным действительным надобностям и присела. И сижу. Вдруг подскакивает ко мне офицер. Как схватил меня за шиворот, как начал кричать. И тащит меня на шоссе на дорогу. На трассу, а там у него велосипед стоял. А там у него велосипед стоял. Он вынимает верёвочку, завязывает мне на шею и привязывает меня к заднему сиденью. Не сиденью, а к велосипеду и садится. И едет, а я за ним бегу. А я бежала, бежала, а потом я уже не могла бежать. Это километра надо было бежать — там, где ихняя это, ну как, ихнее начальство там сидит. И вот он меня вёз к этим начальникам. Вот, и я упала. Он встал, ногами меня начал бить. Поднял меня, а у меня, по-видимому, селезёнки или что — здесь уже бежать я не могла. И боль сильная. И он меня поставил, ещё и по физиономии меня. В общем, как хотел, так бил и ставил опять бежать. Привязал и опять. И так я бежала. Ещё пробежала и потом, когда я упала и уже я не могла — он меня ни поставить, ни положить, ничего. Вот тогда он уже дал возможность, чтоб я пришла в себя, и пешим мы дошли до ихнего, где они там заседают. Ну, начальство сидит. И привёл и говорит, что «вот эта фауль, фауль — дезертир. Работать не хочет» И всё. Наговорил, наговорил. И меня посадили в бункер с бомбами. С бомбами на фабрике. И, когда открывали этот бункер, вот такой толщины дверь. Она вот так вот открывалась.

Интервьюер: Ага.

Респондент: И я только вот так зашла. Дальше некуда — там ни окон, ничего, а только

The following transcript is the result of a recording of the interview. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

загруженный этот. И я вот так вот к стенке как пристала, и так я простояла до утра. До утра и ещё у меня пайку хлеба забрали. Это двойное уже, да. Что побили, в бункере я просидела, и пайку хлеба забрали. И я с бункера, а там он бетонный — и я синяя. Пришли утром меня на работу послали.

Интервьюер: Прямо на следующий день?

Респондент: да. Сразу с бункера он повёл меня в цех. Так что я это всё на своей шкуре перенесла.

Интервьюер: А сколько Вы пробыли в бункере времени?

Респондент: Ночь.

Интервьюер: Ночь одну?

Респондент: С дня и до следующего утра.

Интервьюер: А этот человек, который издевался над Вами, как он выглядел? Он вообще старый? Молодой?

Респондент: Нет, ему лет сорок было.

Интервьюер: Лет сорок?

Респондент: Офицер.

Интервьюер: Офицер?

Респондент: Да, офицер, но такой злой. Он когда идёт, так все слышат, где он. Где-то он кричит, а эхо раздаётся, что он идёт.

Интервьюер: А, он известен был? Его знали Вы?

Респондент: Да, да. Его все знали за нехорошего. И вот это, вот такое я имела. А так — в лагере я очень часто сидела. В лагерном кац--

Интервьюер: Карцере?

Респондент: Карцере, да.

Интервьюер: А за что?

Респондент: За что? Там на немецкую кухню когда ведут — нас мимо немецкой кухни — там продукты стоят, то то. А я что-то схвачу.

Интервьюер: Ага.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: А меня поймают и в этот карцер.

Интервьюер: Надолго?

Респондент: До утра, пока работа. На работу выгоняют.

Интервьюер: А как выглядит? Что такое карцер? Как он выглядел?

Респондент: А сейчас скажу. В бараке такая вот такой вот ширины комнатка, что если я стою, я могу головой вот так облокотиться об другую стеночку. Присесть я не могу.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Вот. Щели. Бомбёжки сильные. И я закрытая.

Интервьюер: А в высоту Вы стоите?

Респондент: В высоту нормально.

Интервьюер: Нормально?

Респондент: да. Но в основном вот так вот — головой, лбом об эту стенку я стояла. Это так подпорка мне была. Ну, всё. У меня сколько, сколько этих всего — это всё раны были. Я всё и не могу уже перечислить вам.

Интервьюер: А на других людях Вы тоже видели, как издевались?

Респондент: Да, конечно. Конечно, и так же и другие. Каждый хотел кушать, каждый что-то где-то схватит.

Интервьюер: А убийства были? Так, чтобы убивали кого-то из подневольных рабочих?

Респондент: Нет, не было.

Интервьюер: Не было?

Респондент: Не было. Уже полгода до освобождения, до конца войны — они стали мягче.

Интервьюер: Ну, да.

Респондент: Да, они уже как не реагировали на нас так. Мы уже для них не программа были. Но был Гафман Шварц — большой офицер с такой тоненькой косичкой на одном плече. Большой офицер так, как я понимаю. У него монокль был, а здесь цепочка. Такое стёклышко. Вот, и летят — нас только пригнали с фабрики на лагерь, а он бежит, что вагоны нужно загружать снарядами и отправлять на фронт. А здесь летят эскадрильи. Раньше по три, по четыре — а то с голубого неба серый день был. Это только они летят. И он нас заставляет собирать нас в кучу и чтобы опять гнать нас на это. И вот мы бегали. Каждого он нас не мог собрать.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Вот, а посередине лагеря был такой траншея от пули. Вот так вот, если строчит, понимаете? Вот, и она с одной стороны, а в конце лагеря выход был. А сверху березки были. И вот он нас начал гонять, эти местные полицаи, которые при лагере. А я раз и убежала в этот бункер, в эту траншею. Он это заметил и за мной. «Стой!» - ну, по-немецки. «Стой! Стрелять буду!» а сам не может, он же слепой. Он с одной вот этой штучкой и дальше он не может, потому (что) там уже тьма. А мы уже знали эти ходы все, выходы и я выскочила с этой траншеи. И это у меня горячка была. Он кричал: «Стрелять буду!» и я выскочила и на забор повисла. Летят самолёты, а я повисла на этой решётке. И потом потеряла сознание, упала. И вот такая — много было у меня моментов страшных. Много. Много.

Интервьюер: Понятно. Вот эти самолёты, что летели — Вы не обратили? Вы знаете, чьи это были самолёты?

Респондент: Американцы.

Интервьюер: Это американцы были?

Респондент: Американцы жестоко бомбили.

Интервьюер: А как вы освободились?

Респондент: Как? Шотландцы нас освободили.

Интервьюер: То есть пришла армия союзников?

Респондент: Да, да. Шотландцы в юбочках освободили нас. Такая армия была. Вот.

Интервьюер: Хорошо, спасибо. Спасибо Вам.

Респондент: Ну, я что-то.

Интервьюер: Вы говорили о семье из Молдавии, с Бессарабии. Вы не можете назвать фамилию этой семьи?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Не помните?

Респондент: Я не то, что не помню. Вообще не знаю. Они ни с кем не общались, но они так вели себя, что мы понимали, что они прячутся.

Интервьюер: Ага.

Респондент: От людей, понимаете?

Интервьюер: А в каком они были состоянии, когда они пришли?

The following transcript is the result of a Google speech recognition process of the original audio document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Респондент: В каком? Усталые они с дороги. Мама им и кастрюльку дала, и мисочку дала, и чашечку дала, и ложечку дала, но по две может быть. Ну, что как могла.

Интервьюер: Понятно. Но как себя чувствовала там эта--

Респондент: Эта, она--

Интервьюер: --жена?

Респондент: Жена, ну очень [36:43 – 36:50 по voice] там же, там же. В том сарае.

Интервьюер: В том сарае?

Респондент: Да, в том сарае и мама--

Интервьюер: а кто ей помогал?

Респондент: Мама помогала. Мама помогала и мама там разные, где какие рубахи рвала, и какие простыни, что--

Интервьюер: ну, понятно.

Респондент: Понимаете? Чтоб помочь. да.

Интервьюер: Когда шла колонна евреев, которую Вы видели--

Респондент: да, видела.

Интервьюер: Вот, Вы не можете примерно сказать, сколько их было? Сколько Вы их видели?

Респондент: Я их видела [37:22 – 37:26 нет звука] евреев гонят, евреев гонят» Ну, и мы вот так вот побежали через двор и туда встали. И да, действительно — вот так, как я вам рассказывала, полицаи где кто стоял. Вот, ну человек пятьсот, наверное, было.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Да, много. Много.

Интервьюер: И это Вы всё наблюдали, как они проходили мимо?

Респондент: Они немножко прошли до половины, но я уже видела хвост.

Интервьюер: Так.

Респондент: И я ушла. И я ушла, мама меня забрала.

Интервьюер: Понятно.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Мама оберегала, никуда же меня не пускала. Так оберегала, что не уберегла.

Интервьюер: По их ходу не было мёртвых, которые падали там?

Респондент: Нет, не было.

Интервьюер: Вы никаких мёртвых там?

Респондент: Не было. Не было.

Интервьюер: Вы это видели один раз или ещё были такие колонны?

Респондент: Нет, один раз я вот это, вот эту трагедию видела.

Интервьюер: Всё, понятно. Всё, спасибо. Спасибо большое.